

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ АВТОРСКОЙ МАСКИ В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ИВАН ФЕДОРОВИЧ ШПОНЬКА И ЕГО ТЁТУШКА»

В современном литературном дискурсе проблема автора, авторского присутствия в тексте литературного произведения, начало изучению которой положено в трудах выдающихся литературоведов М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Г.А. Гуковского, Л.Я. Гинзбург, Б.О. Кормана, принадлежит к числу наиболее актуальных. Она активно разрабатывается как в теоретическом, так и в историко-литературном аспектах исследователями разных поколений, изучающими многообразный исторический и национальный материал.

Еще Диомед (IV в. до н. э.), вслед за Платоном, разделил все произведения на три категории: те, в которых говорит только рассказчик; те, в которых говорят только персонажи; наконец, те, в которых говорят и рассказчик и персонажи. Эта классификация основана на абстрактной гипотезе, в которой утверждается, что субъект сказывания есть наиболее важный элемент литературного произведения. Однако и в современной поэтике проблема повествователя остается неопределенной, поскольку осложняется, как подчеркивает Н.Д. Тамарченко, крайней нечеткостью, расплывчатостью самой категории повествования: «этим словом называется практически любое сообщение о событиях, независимо от того, какому субъекту речи оно принадлежит (например, «всезнающему автору» или герою-участнику событий) и какова композиционная форма высказывания (от прямой беседы с читателем до внутреннего монолога героя)» [6, с. 72]. В этом контексте феномен «авторской маски» как своеобразного художественного явления и специфической формы авторской репрезентации в пределах художественного произведения, представляет особый интерес. В современном литературном пространстве авторская маска рассматривается как своеобразный «камертон», «который настраивает и организует реакцию имплицитного читателя, обеспечивая тем самым необходимую литературную коммуникативную ситуацию, гарантирующую произведение от “коммуникативного провала”» [2, с. 24]. И.П. Ильин рассматривает этот феномен как важный структурообразующий принцип повествовательной манеры [2, с. 25].

Проблема «маски» в современных историко-теоретических работах, являясь одной из наиболее популярных, тем не менее, она до сих пор носит прикладной характер, поскольку внимание исследователей преимущественно сфокусировано на осмыслении функционирования маски в ее различных «вариантах» (например, актерство, игра, мимикрирование, специфика поведения, «футлярность») в творчестве того или иного писателя. Понятие «авторская маска» в современных исследованиях входит в спектр «авторской» темы в основном при анализе текстов постмодернизма [5]. Первым комплексным исследованием, посвященным изучению этого феномена,

являются работы О.Ю. Осьмухиной [4, 5], в которых авторская маска рассматривается на огромном историческом материале (в том числе и древнерусском) прежде всего как «форма репрезентации автора «реального» в пределах художественного произведения, воплощенная в образе фиктивного автора-нарратора, который мистифицирует читателя игровым тождеством / несоответствием с ним и выдаёт предлагаемый читателям текст за собственное сочинение» [4, с. 5].

Традиция использования авторской маски как средства литературного перевоплощения (или мистификации) в пределах текстового пространства актуализируется в первой половине XIX века. Современные исследователи объясняют этот факт влиянием западноевропейского романтизма с его установкой на двойственное отношение художника к действительности. «Автор как творец художественной реальности получает возможность управлять взаимоотношениями с читателем, поскольку собственная идентификация, авторское «я» оказывается еще одним текстовым уровнем – маска становится своего рода эквивалентом подлинной личности ее носителя» [4, с. 12]. Тема маски в «образе» повествователя получает свое яркое выражение в творчестве А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, В.Ф. Одоевского, В.И. Даля, Ф.М. Достоевского.

Фиктивный автор-повествователь – это центральный образ «Повестей Белкина» А.С. Пушкина, «Пестрых сказок» В.Ф. Одоевского, «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя. Он является «формальным заместителем» автора «реального», или, в терминологии М.М. Бахтина, – «неиндивидуальной» формой авторства, «первым повествовательным лицом» (У. Эко). Этот феномен многократно являлся предметом исследовательского внимания. Обратим внимание на еще один аспект этой проблемы.

Известно, что Пушкин и Одоевский создают своеобразную двойную маску: у Пушкина это издатель АП, воспроизводящий письмо помещика И.П. Белкина, у Одоевского – издатель В. Безгласный и «сочинитель» И.М. Гомозейко. Несколько иначе этот прием использован Н.В. Гоголем: фиктивный автор Рудой Панько – публикатор. Этот факт фиксируется автором в подзаголовке: «Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком». Однако герой во всех повестях является одновременно «первичной говорящей инстанцией». Исключение – повесть «Иван Федорович Шпонька и его тётушка». Выступая ранее в качестве «вторичного» нарратора», пересказывающего услышанные истории, гоголевский герой, как публикатор («Вот вам и другая книжка, а лучше сказать, последняя! Не хотелось, крепко не хотелось выдавать и этой. Право, пора знать честь» [1, с. 100]) передает историю Ивана Федоровича Шпоньки со слов другого рассказчика: «С этой историей случилась история: нам рассказал ее приезжавший из Гадяча Степан Иванович Курочка. Нужно вам сказать, что память у меня – невозможно сказать, что за дрянь: хоть говори, хоть не говори, все одно. То же самое, что в решето воду лей. Зная за собой такой грех, нарочно просил его списать ее в

тетрадку. Ну дай бог ему здоровья, человек он был всегда добрый для меня, взял и списал» [1, с. 191].

«Рассказчик», который якобы передает рассказ другого повествователя («маска в маске») придает отчетливо выраженную ретроспективную установку, иллюзорно сужает и ограничивает горизонт автора «реального» всего лишь как посредника, но не создателя предлагаемого текста. Наиболее показательным «авторством» Панька и других близких ему рассказчиков, Курочкина, например, является сказовая повествовательная форма – «деревенское простодушие, под маской которого таится бездна “хохляцкого” веселого лукавства и озорства» [3, с. 537]. Написанное от лица Рудого Панька предисловие к «Вечерам», как отмечает Е.М. Купреянова, «характеризует их “издателя” как носителя речевой нормы отнюдь не автора, а его рассказчиков и героев» [3, с. 537]. Сказовая форма становится у Гоголя и средством, и предметом изображения во всех повестях цикла. Без сомнения, автор использовал стилизацию как важнейший прием создания авторской маски для повествовательной стратегии и создания художественного образа фиктивного автора.

Гоголевский герой Рудый Панько передает «чужой» текст, подчеркивая «реальность» образа Курочки подробностями костюма и местонахождении героя. Он – один из жителей Гадяча: «Живет он недалеко от каменной церкви. Тут есть сейчас маленький переулок: как только поворотишь в переулок, то будут вторые или третьи ворота. Да вот лучше: когда увидите на дворе большой шест с перепелом и выйдет навстречу вам толстая баба <...>, то его двор <...> Вы его тотчас узнаете, потому что ни у кого нет, кроме него, панталон из цветной выбойки и китайского желтого сюртука» [1, с. 192].

В «Предисловии» к «Ивану Федоровичу Шпоньке...» «пасичник» жалуется на плохую память, однако, как и в предисловии к первой части сборника, настаивает на воспроизведении «устного» слова различных рассказчиков. «В связи с этим, – считает О.Ю. Осьмухина, – можно усомниться в точности передачи «чужого» слова, тем более устного и воспроизведенного с ретроспективной установкой <...>» [4, с. 30]. При передаче рассказов дьячка, «горохового панича», равно как и самого Рудого Панько, по мнению исследовательницы, «реальный» автор использовал стилизацию как важнейший прием повествовательной авторской маски: слияние изображающей речи изображаемой, двухступенчатая стилизация авторской речи под манеру изображаемого персонажа – первоначально рудого Панько, затем – других рассказчиков. Таким образом, делает вывод О.Ю. Осьмухина, маска Рудого Панько явилась связующим звеном между читателем и предлагаемым ему текстом как подлинным, реальным и содержательным. Своеобразие авторской установки в «Вечерах...», полагаем, заключается и в том, что для Гоголя, вероятно, значим был не только «правдивый» текст, но и сам нарратор, яркий, колоритный народный образ, имеющий собственный взгляд на все «рассказанные» истории, события и героев. Будучи представителем народного

мира, образ пасечника помогает читателю понять фольклорное героическое прошлое народа, окрашивая повествование собственными переживаниями этого прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 6 т. / Н.В. Гоголь. – М.: Худож. лит., 1959. – Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки. – 367 с.
2. Ильин И.П. Авторская маска // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. – Москва: Intrada, 2004. – С.24.
3. Купреянова Е.Н. Гоголь / Е.Н. Купреянова // История русской литературы: В 4-х т. – Л.: Наука, 1981– 1983. – Т. 2: От сентиментализма к реализму. – 1981. – С.530–579.
4. Осьмухина О.Ю. Авторская маска в русской прозе 1760–1830-х гг. : автореф. дис. на соискание науч. степени д. филол.н.: спец: 10.01.01 «Русская литература» / О.Ю. Осьмухина/ – Саранск, 2009. – 40 с.
5. Осьмухина О.Ю. Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия: монография / О.Ю. Осьмухина; науч. ред. О.Е. Осовский. – Саранск: Из-во Мордов ун-та, 2009. – 288 с.
6. Тмарченко Н.Д. Теория литературных родов и жанров. Эпика. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – (Литературный текст: проблемы и методы исследования; Приложение, Серия «Лекции в Твери»). – 83 с.

Аннотация

А.Кошель. Функциональная роль авторской маски в повести Н.В.Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»

В статье рассматривается феномен «авторской маски» на материале повести Н.В.Гоголя. Внимание акцентируется на традиции использования авторской маски как приема мистификации в литературе I половины 19 века. Особое внимание обращено на новаторство Гоголя в аспекте «авторской» темы, своеобразие гоголевского варианта авторской маски как элемента поэтики и авторской стратегии.

Ключевые слова: маска, авторская маска, традиции, новаторство, художественный мир.

Анотація

А.Кошель. Функціональна роль авторської маски в повісті Н.В.Гоголя «Іван Федорович Шпонька и его тетушка»

У статті розглядається феномен «авторської маски» на матеріалі повісті М.В.Гоголя. Акцентується увага на традиції використання авторської маски в царині літератури 19 століття. Особлива увага звертається на новаторство

Гоголя в аспекті «авторської теми», своєрідність гоголівського варіанта авторської маски як елементу поетики і авторської стратегії.

Ключові слова: маска, авторська маска, традиції, новаторство, художній світ.

Summary

A.Koshel. The functional role of the author's mask in the Gogol's novel "Ivan Fedorovich Shponka and his aunt"

The phenomenon of the author's mask on the materials by Nikolai Gogol is considered on the article. The attention is focuses on the tradition of using the author's mask as the method of mystification in the literature of the I half of the 19 century. Particular attention is drawn to the innovation aspect of Gogol's "author" theme, originality of the author's version of Gogol's mask as the element of poetics and the author's strategy.

Key words: mask, author's mask, traditions, innovation, art world